

В. В. МАЙКО

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

КЕРАМИКА С МОНОГРАММАМИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СОЛДАЙИ. ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: В статье рассматриваются монограммы средневековой Солдайи, нанесенные на поливную керамику крымского производства. Эти монограммы являются подражанием византийским монограммам на керамике типа «Elaborate Incised Ware», которая начинает поступать на рынки городов Таврики с середины XIV в. Выделены основные типы монограмм и сделан вывод о том, что в подавляющем большинстве они представлены экземплярами с именем «Михаил». Другим характерным отличием монограмм Солдайи является наличие сложносоставных экземпляров и изделий со знаковыми монограммами. Часть из них не имеет аналогий в известных на сегодняшний день подглазурных монограммах Таврики. Все приведенные в работе монограммы датируются в рамках третьей четверти XIV в. – 1475 г. и нанесены на керамику в гончарных мастерских Каффы, Солдайи и Чембало. Исходя из проанализированных монограмм этих городов, именно такой состав первых, в отличие от Феодоритского государства, характерен для территорий Таврики, находившихся под контролем генуэзской администрации.

Ключевые слова: Солдайя, керамика юго-восточного Крыма, монограммы, типология, территория распространения.

Подглазурные монограммы, нанесенные в технике сграффито на внутреннюю поверхность дна красноглиняных сосудов – одна из ярких черт материальной культуры Византийской империи второй половины XIV – первой половины XV вв. В Константинополе такая маркировка керамических изделий появляется в середине XIV в. на совершенно определенном типе керамики, получившей в западной литературе термин «Elaborate Incised Ware». Высочайшее качество ее производства, небольшой набор хорошо узнаваемых форм, сложные и яркие орнаментальные мотивы способствовали тому, что она стала желанным товаром на рынке любого Причерноморского и Приазовского города. Проникновение ее на рынки городов Таврики совпало с полным подчинением приморских крепостей и городов генуэзской администрации, заинтересованной в активизации торговли. Археологические раскопки показывают стабильный, но относительно небольшой процент этой керамики, в том

числе с монограммами, в стратиграфических горизонтах всех крымских городов. Исключение составляет крепость Чембало, где процент этой керамики выше. Типология основных типов монограмм на сосудах «Elaborate Incised Ware» давно и хорошо разработана [35], а новые работы лишь корректируют ее отдельные типы и варианты.

Для территорий полуострова, подконтрольных Генуе, наибольшую популярность приобрели монограммы имени Михаил в виде двухъярусной композиции «МІХ». Именно они и стали прототипом местных монограмм, связанных с этим именем.

Первая крымская монограмма с именем «Михаил» была зафиксирована в 1896 г. близ Херсонеса, в заполнении кладовой Георгиевского монастыря у мыса Фиолент вместе с византийской чашкой типа «Elaborate Incised Ware». Она сразу привлекла внимание и через два года была опубликована [25, с. 199, рис. 579].

Однако большую известность эти монограммы приобрели позже благодаря публикации Э.Р. фон Штерном обширных материалов, собранных А.Л. Бертье-Делагардом при строительстве Феодосийского порта [31, табл. VI]. Автор разделил все известные ему монограммы, в том числе и местные с именем «Михаил», на несколько групп, справедливо отметив византийский характер их происхождения и общие хронологические рамки существования.

Именно эта публикация послужила основанием Д. Талботу-Райсу включить монограммы этого типа с именем «Михаил» в разработанную им типологию в качестве крымских [35, p. 79, fig. 6,26-27].

Долгое время ввиду отсутствия массового характера находок рассматриваемые монограммы не привлекали внимания специалистов. Исключение составила обобщающая монография А. Л. Якобсона, где он, наряду с анализом всего керамического комплекса города, обратился и к монограммам, опубликовав известный с 1898 г. экземпляр [32, с. 117, рис. 82,2]. Аналогичная монограмма с изображением буквы «Х» в виде креста была атрибутирована автором, как граффити [32, с. 117, рис. 81,23]. Однако присутствие в этой же иллюстрации византийских монограмм заставляет предположить, что и в данном случае перед нами еще одна херсонесская монограмма имени «Михаил». Учитывая единичность в 1940-х гг. этих находок в Крыму и объединение их Д. Талботом-Райсом в один тип с византийскими монограммами, А. Л. Якобсон также посчитал их византийским импортом.

До начала 1990-х гг. можно отметить только отдельные опубликованные находки, сделанные в ходе раскопок Горзубит [26, с. 74, рис. 14,14] и Каффы [7, с. 72, рис. 6,5]. При этом, следуя концепции А. Л. Якобсона, Е. А. Паршина повторила вывод о том, что местные крымские монограммы имени «Михаил» получили широкое распространение на полуострове и известны во всех крупных городах [26, с. 76]. В середине 70-х гг. прошлого века в Каффе экспедицией Института археологии АН СССР была раскопана гончарная мастерская, среди материалов которой была зафиксирована местная анализируемая монограмма. Однако этой столь важной на-

ходке не придали должного значения, и она была опубликована только более 40 лет спустя [29, с. 15, рис. 6,4].

В 1991 г. вышла очень важная статья А. А. Кравченко, посвященная коллекции керамики Каффы, хранящейся в Одесском археологическом музее. В ней автор впервые детально рассмотрела все монограммы Каффы, в том числе и опубликованные Э. Р. фон Штерном. Находясь так же под влиянием концепции А. Л. Якобсона, исследовательница анализировала все монограммы вместе: и импортные прототипы, и местные. Исходя из этого, был повторен вывод о широком распространении всех типов монограмм на территории Причерноморья [21, с. 114–116], что верно только для византийских экземпляров. Вместе с тем, впервые было отмечено, что среди рассмотренной коллекции есть монограммы грубого исполнения, возможно местные подражания византийским образцам [21, с. 116].

В этой связи нельзя не отметить и небольшую работу А. В. Сазанова и Ю. Ф. Иващенко, где впервые была описана глина сосудов с местными каффинскими монограммами имени «Михаил» и импортных чаш группы «Elaborate Incised Ware», входивших с ними в один комплекс [27, с. 180–183].

Решающее значение имела находка полуфабриката монограммы имени «Михаил», сделанная во время раскопок еще одной каффинской гончарной мастерской экспедицией Крымского филиала Института археологии в 1994–1995 гг. [33, р. 28–29; 11, с. 17]. К сожалению, само изображение остается пока неопубликованным, но сомнения о возможности местного производства посуды с монограммами имени «Михаил» полностью отпали.

В начале 1990-х гг. была опубликована и первая монограмма Солдайи, происходящая из раскопок на территории так называемого квартала I между привратной башней Якобо Торселло и Безымянной № 5, к сожалению, без какого-либо анализа [13, с. 118, рис. 6]. Семь лет спустя при подготовке первой конференции, посвященной поливной керамике, И. А. Баранов издал еще 11 их экземпляров и один фрагмент привозной византийской чаши типа «Elaborate Incised Ware» с монограммой «MIX» [14, с. 23, рис. 2]. И тут, к сожалению, какой-либо анализ опубликованных монограмм отсутствовал. Эта небольшая статья готовилась ученым в спешке перед началом конференции, что привело к ряду досадных недоразумений. Вся представленная в ней керамика с монограммами, фото которой оказалось очень низкого качества, никакого отношения к так называемой торговой лавке¹ на участке квартала I не имеет. Вся она, образующая единый комплекс, была раскопана в 1984–1985 гг. в заполнении Безымянной башни № 3 совсем на другом участке города. В заключительной части ученый повторил уже устоявшийся к этому времени вывод о массовости распространения подобных монограмм в Херсонесе, Константинополе и на Балканах [14, с. 24].

¹ Для правильного понимания сути проблемы необходимо отметить, что, исходя из раскопок автора статьи 1994–2000 гг., для атрибуции какого-либо помещения на участке квартала I в качестве торговой лавки нет никаких оснований.

Научные интересы исследователя, связанные с хазарским периодом, привели к тому, что больше к подглазурным монограммам Солдайи он не обращался. Уже после его смерти в 2004 г. А. В. Джанов и автор данной статьи подготовили в виде связанной публикации материалы нескольких отчетов, посвященных раскопкам ремесленных помещений на участке куртины XIV Судакской крепости. В этой статье без какого-либо анализа и выводов было опубликовано еще 5 местных монограмм [15, с. 537, 552, рис. 8,1; 25,1-4] и 1 типа «MIX» на плоскодонном кубке типа «Elaborate Incised Ware» [15, с. 537, рис. 8,1]. Одна из этих иллюстраций была повторена в статье В. Л. Мыца [23, с. 298, рис. 2,1-4]. Несколько позже при анализе раскопок 1997 г. на участке т.н. квартала I Судакской крепости были опубликованы еще две монограммы [22, с. 369, 384, рис. 5,11; 11,17].

С таким багажом в решении данной проблемы крымская медиевистика подошла к XXI веку. В 2005 г. появилась знаковая публикация В. Л. Мыца, подводившая итоги исследований в данной области и посвященная расшифровке, назначению и типологии всех известных автору на то время крымских подглазурных монограмм [23, с. 288–305]. Автор выделил 14 типов монограмм, справедливо оговорив, что их количество может быть скорректировано при проведении дальнейших раскопок. И это оказалось действительно так, что подтвердили раскопки самого же автора в крепости Чембало. По сути дела, предложенная типология оказалась рабочей только для той части полуострова, которая находилась под контролем княжества Феодоро. Для подвластных генуэзцам территорий набор местных монограмм оказался совсем другим. Например, для Солдайи, Каффы, Чембало и Алустона большинство монограмм относятся к типу 3, и только единичные экземпляры – к типу 4. Вместе с тем, присутствуют и местные монограммы, совершенно не учтенные В. Л. Мыцом. Безусловно, выделенные исследователем монограммы типов 8 и 9 есть во всех перечисленных памятниках, кроме Алустона. И это не удивительно. Ведь это византийские монограммы, поступавшие на полуостров в результате продажи качественной византийской парадной посуды «Elaborate Incised Ware».

В этом, на наш взгляд, главная методическая ошибка ученого. При составлении типологии необходимо было, по возможности, четко оговорить, какие из выделенных им типов монограмм являются местными, а какие известны исключительно на импортной посуде. Самое главное – неправомерно, объединяя в один тип византийские прототипы монограмм имени «Михаил» и местные им подражания, говорить о широком распространении последних на территории Причерноморского региона [23, с. 290]. Это верно только для византийских прототипов, прежде всего монограммы типа «MIX» на сосудах типа «Elaborate Incised Ware». Ни одна крымская местная монограмма имени «Михаил» за пределами Таврики неизвестна, да и на полуострове они локализируются предельно узко. И это совершенно логично, поскольку на Балканах существовали свои местные подражания византийским прототипам, совершенно отсутствующие в Крыму. Несмотря на эти моменты, работа В. Л. Мыца,

особенно в части аргументации посвящения монограмм архистратигу Михаилу, остается актуальной до сего дня.

Основные ее ошибочные положения, связанные с широким распространением местных монограмм имени «Михаил» в Причерноморском регионе, были повторены в работе В. Н. Залесской, посвященной византийской поливной керамике в целом [18, с. 217]. Вместе с тем исследовательница еще раз справедливо указала на разнообразный стиль исполнения местных монограмм.

Значительным шагом вперед в понимании происхождения местных монограмм имени «Михаил», как и других экземпляров подобных изделий, явились разработки И. Б. Тесленко. Исследовательницей совершенно обоснованно была выделена группа местной керамики производства юго-восточного Крыма (ЮВК) [29, с. 7–83]. На этом основании ею высказана наиболее аргументированная точка зрения о том, что появление местных крымских чаш с двухъярусной монограммой «МХ», посвященных архистратигу Михаилу, приходится на середину XIV в. Наличие же византийских прототипов и популярность культа Святого на полуострове способствовали появлению значительного количества их вариаций [29, с. 60]. Большое значение имели и многолетние работы Н. В. Гинькут, которая на примере монограмм крепости Чембало четко выделила группу импортных монограмм и группу керамики локального, в том числе Чембальского, производства с иным составом монограмм культового и светского характера [17, с. 14–15]. Таким образом, появилась возможность совершенно точно определять местный или импортный характер сосуда, на который помещена та или иная монограмма.

Источниковую базу работы составляют 90 подглазурных монограмм, выполненных в технике сграффито и помещенных исключительно на керамику крымского производства. Наибольшая коллекция происходит из Солдайи и составляет 53 монограммы, 16 монограмм происходят из Каффы, 10 – из Чембало (раскопки 2002–2017 гг. экспедиции Государственного Эрмитажа), 6 – из Алустона, 2 – из Херсонеса, по 1 монограмме обнаружено в Горзубитах, сельском поселении у западного подножья г. Аю-Даг и Мангупе². Среди этих материалов без какого-либо типологического и хронологического анализа опубликовано только 19 монограмм из Солдайи, 7 – из Каффы, 4 – из Алустона и все монограммы, обнаруженные в Чембало, Херсонесе, Горзубитах и Аю-Даге. Неопубликованные монограммы Каффы, Алустона и Мангупа, известные по архивным материалам, приведены в работе в качестве аналогий.

В данной статье в качестве основы для типологии использованы наиболее представительные Солдайская и Каффинская коллекции. При этом отметим, что в нее хорошо «укладываются» все местные монограммы, обнаруженные на крымских территориях, находившихся под контролем генуэзцев. Исключение составляют только несколько типов монограмм, в том числе сложносоставных, которые будут

² Информация о находке крымской монограммы с именем Михаил на цитадели Мангупа любезно предоставлена А. Г. Герценым и В. Е. Науменко, за что выражаю им глубокую признательность.

проанализированы ниже. Типология, построенная исключительно по морфологическому признаку, включает 11 основных типов.

Тип 1 – представлен в Солдае семью одноярусными монограммами, где стилизация буквы «М» достигает максимальных пределов, превращая ее в букву «Н» с дополнительной вертикальной чертой, отходящей вниз от горизонтальной черты (рис. 1, 1–4, 6). Окончание всех черт буквы подчеркнуты черточками, развернутыми в противоположные стороны. Нижний угол центральной вертикальной черты развернут влево. Наиболее известной аналогией этой монограмме, встреченной за пределами Солдаи, является экземпляр, обнаруженный во время раскопок Каффы 1995 г. на восточном склоне Карантинного холма в районе юго-восточной стены цитадели и происходящий из слоя темно-коричневого суглинка у гончарной печи № 1. Принципиальное значение имеет не столько местонахождение фрагмента возле гончарной мастерской, сколько его полуфабрикатное состояние [9, рис. 59,9; 11, с. 17; 33, р. 28–29]. На сегодняшний день это пока единственная находка полуфабриката среди всех известных подобных монограмм полуострова, датированная на основании нумизматического материала в пределах 1420-х гг. – конца третьей четверти XV в. [29, с. 16]. Вторая аналогия монограмме этого типа известна из раскопок Чембало 2012–2013 гг., где она была зафиксирована на археологически целой миске, происходящей из слоя завала в квадрате 3 [5, с. 189, рис. 68]. Датируется сосуд XV в.

Тип 2 – представлен в Солдае единственным экземпляром (рис. 1, 5). Принципиальным его отличием от вышеописанного является наличие не только нижней вертикальной центральной черты, угол которой повернут влево, но и верхней, угол которой повернут вправо. Таким образом, первоначальная буква «М» в данном случае трансформирована в букву «Ж». Единственной аналогией за пределами Солдаи является экземпляр, монограмма которого выполнена более небрежно, происходящий из раскопок 1981–1983 гг. заполнения башни Каффы [7, с. 72, рис. 6,5].

Тип 3 – представлен в Солдае тремя экземплярами (рис. 1, 7–9). Отличие его от базового типа 1 заключается в наличии двух горизонтальных черт, параллельных одна другой. Точные аналогии этому типу за пределами Солдаи автору неизвестны. Единственный типологически близкий экземпляр обнаружен в Чембало в ходе раскопок 2008–2009 гг. в культурном слое между домом 3 и крепостной стеной [3, с. 274, рис. 204, к.о. 97]. Отличием экземпляра является наличие завитков на концах вертикальных черт буквы «М» и центральная вертикальная черта, пересекающая две горизонтальные и заканчивающаяся двумя завитками. Исходя из наличия в этом слое треножных подставок сепав и отсутствия аналогий в Солдае и Каффе, не исключено, что монограммы этого варианта являются «чембальским» производством.

Тип 4 – двухъярусные монограммы, состоящие из букв «МХ», где «М» полностью идентична типам 1–3. На имеющемся в нашем распоряжении материале, монограммы этого наиболее распространенного типа можно разделить на три стабильных варианта.

Вариант 4.1 – монограммы, представленные в Солдае тремя экземплярами, где находящаяся в верхней части буква «Х» выполнена в виде простого креста раз-

личной конфигурации (рис. 1,10–12). Этот вариант монограммы отсутствовал в публикации Э. Р. фон Штерна, но впоследствии с упрощенным схематическим написанием буквы «Х» в качестве креста был выбран зарубежными исследователями в качестве эталонного примера подобных монограмм [35, р. 79, fig. 6,26; 34, р. 95, fig. 26; 36, р. 122, 8.5], что не соответствует действительности.

Вариант 4.2 – монограммы, наиболее массовые, представленные в Солдае десятью экземплярами (рис. 2,1–4,7–9,11), где полукруглые завитки находящейся в верхней части буквы «Х» обращены друг к другу, смыкаясь с одной из сторон или подходя вплотную, образуя подобие крыльев бабочки. В основном подобная буква «Х» расположена горизонтально, но известны случаи вертикального ее расположения (рис. 2,7).

Наибольшее число аналогий происходит из раскопок Каффы, где этот вариант составляет подавляющее большинство. Так, тремя экземплярами представлены монограммы с вертикальным расположением «бабочковидной» буквы «Х». Один из них, выполненный небрежно, происходит из заполнения хозяйственной ямы на раскопе 1992 г. А. В. Сазанова и датируется 1380-ми гг. [27, с. 180, рис. 1,1]. Другой обнаружен на поверхности 5 в слое коричневого суглинка в помещении 1 упомянутой выше гончарной мастерской, раскопанной в 1994–1995 гг. [8, рис. 34,1; 33, р. 28–29]. Третий, со смещенной нижней частью «бабочковидной» буквы «Х», происходит из исследований Э. Р. фон Штерна [31, табл. VI, № 45; 21, с. 115, рис. 3,3; 23, с. 299, рис. 3,4]. Четырьмя экземплярами представлены и каффинские монограммы этого варианта с горизонтальным расположением «бабочковидной» буквы «Х». Один из них, полностью аналогичный солдайским, происходит из сборов Э. Р. фон Штерна [31, табл. VI, № 42; 21, с. 115, рис. 3,4; 23, с. 299, рис. 3,1]. Три остальных каффинских экземпляра представлены полностью идентичными монограммами, но горизонтальная черта буквы «М» и горизонтальная «бабочковидная» буква «Х» выполнены тонкой линией, в отличие от подчеркнуто толстых основных линий буквы «М». Одна из этих монограмм происходит из сборов Э. Р. фон Штерна [31, табл. VI, № 51; 21, с. 115, рис. 3,5; 23, с. 299, рис. 3,6], другая – из раскопок 1994–1995 гг. хозяйственной ямы 1 гончарной мастерской [8, рис. 85,1; 33, р. 28–29], третья, со смещенной буквой «Х» – из слоя серой глины с камнями на раскопе 6 2005 г. [16, рис. 31,2]. В Солдае монограмм, подобных трем вышеописанным, пока не обнаружено.

Три экземпляра монограмм с вертикальным расположением «бабочковидной» буквы «Х» известны в Чембало. Один из них происходит из раскопок 2012–2013 гг. [5, с. 56]. Второй обнаружен в ходе исследований 2004 г. на площади раскопа 2 [2, с. 177, рис. 117,6]. Третий зафиксирован в ходе работ 2011 г. в слое каменного завала у оборонительной стены [4, с. 192, рис. 65, к.о. 80]. Сосуд, на который последняя монограмма нанесена, отличается высоким качеством изготовления, но, все же, судя по прорисовке поддона, относится к керамике крымского производства.

За пределами Солдайи, Каффы и Чембало аналогии монограммам этого варианта единичны. В Алустане они представлены всего двумя экземплярами, происходящими из материалов раскопок жилой застройки города, в том числе с незам-

кнутыми концами горизонтальной «бабочковидной» «X» [28, с. 225, рис. 3,1; 29, с. 53, рис. 29, 14,17]. Автор публикаций справедливо отнесла оба этих сосуда с монограммами к керамике группы юго-восточного Крыма. Единственным экземпляром монограмма этого варианта представлена на Мангупе.

Помимо Алустана и Мангупа, единственная монограмма этого варианта, найдена в 1896 г. в заполнении кладовой Георгиевского монастыря у мыса Фиолент [25, с. 199, рис. 579; 32, с. 117, рис. 82,2; 18, с. 217, № 450]. Отнесение и ее к керамике группы юго-восточного Крыма наиболее вероятно. Предваряя детальный разбор, отметим, что это единственная находка в Крыму подобных монограмм, сделанная при раскопках культового комплекса.

Вариант 4.3 – монограммы, представленные в Солдае тремя экземплярами (рис. 2,10; 3,8,10), где находящаяся в верхней части буква «X» выполнена в виде свастики с более или менее выраженными завитками. Близка к ним еще одна монограмма с крупной свастикой с ярко выраженными завитками. Последними, что нехарактерно для этого типа, заканчиваются и концы буквы «M» (рис. 3,9). В качестве аналогий следует, прежде всего, упомянуть экземпляр, происходящий из раскопок гончарной мастерской в Каффе, расположенной в южной части цитадели в районе башен Криско и Клемента VI с внутренней стороны оборонительных сооружений, производившихся в 1975–1976 гг. Феодосийской археологической экспедицией Института археологии АН СССР [29, с. 15, рис. 6,4]. Мастерская датируется 80-ми гг. XIV в. Помимо этого еще один каффинский экземпляр известен из раскопок 1994–1995 гг. второй гончарной мастерской города и происходит из слоя светло-серого суглинка на раскопе 1 [8, рис. 12,6; 33, р. 28–29]. За пределами Сугдеи и Каффы одна монограмма этого варианта обнаружена в культурном слое Горзубит [26, с. 74, рис. 14,14]³, еще одна – в Херсонесе [32, с. 117, рис. 81,23] и третья – в культурном слое сельского поселения у западного подножья г. Аю-Даг [30, с. 186, цв. вставка 15,5; 29, с. 53, рис. 29,15]. И. Б. Тесленко последний сосуд справедливо отнесла к группе керамики юго-восточного Крыма.

Тип 5 – монограммы, представленные в Солдае двумя экземплярами (рис. 2,5,6), где стандартная буква «M», характерная для типов 1-4, в верхней части разделена двумя пересекающимися диагоналями, заменяющими, вероятно, букву «X». На солдайских экземплярах на втором ярусе монограммы помещен завиток. Два экземпляра подобных монограмм известны в Каффе. Один из них обнаружен в заполнении хозяйственной ямы раскопа 1992 г. А. В. Сазанова [27, с. 180, рис. 1,2], второй происходит из сборов Э. Р. фон Штерна начала XX в. и опубликован в качестве

³ Описывая монограмму из Гурзуфа, Е. А. Паршина упоминает о находках подобных монограмм в Солхате [24, с. 76]. Однако из доступного автору материала таких находок неизвестно, что не исключает их присутствия в материалах памятника. Возможно, исследовательница имеет в виду широко известные, в том числе и на полуострове, монограммы «MIX», отмеченные исключительно на византийских, импортных для Крыма, сосудах типа «Elaborate Incised Ware». Одна из таких монограмм была недавно опубликована [19, с. 433, № 339].

эталонного типа данных монограмм [31, табл. VI, № 47; 35, р. 79, fig. 6,27; 21, с. 115, рис. 3,6; 23, с. 299, рис. 3,5; 34, р. 95, fig. 27; 36, р. 122, 8.5], что не соответствует действительности. На последней монограмме в нижней части помещена стилизованная буква, возможно дельта. Еще одна подобная монограмма обнаружена в Чембало в ходе раскопок 2017 г. в помещении 2 XV в. раскопа 2 [6, с. 178, рис. 71,2]. Ее отличие заключается в присутствии крупного завитка, отходящего от горизонтальной черты влево. Считать этот завиток самостоятельной буквой, составляющей монограмму, вряд ли правильно. За пределами Каффы, Сугдеи и Чембало монограмма этого типа всего в одном экземпляре зафиксирована в материалах жилой застройки Алустона [28, с. 225, рис. 3,1; 29, с. 53, рис. 29,16] и справедливо отнесена к группе керамики юго-восточного Крыма.

Тип 6 – монограммы, резко отличающиеся от пяти вышеописанных типов характером исполнения буквы «М». В данном случае она представлена в виде двух вертикальных черт с отходящими в противоположные стороны уголками или завитками, разделенных диагоналями на два смыкающихся вершинами треугольника. От места их соединения вниз отходит вертикальная линия, аналогичная вышеописанным типам с поворотом уголка или завитка вправо или влево. Верхний ярус монограмм представляет собой букву «Х», выполненную в виде свастики.

Вариант 6.1 – монограммы, где поле треугольников заполнено сетчатым орнаментом, окончание линий букв выполнено в виде завитков, центральная горизонтальная линия заканчивается завитком, повернутым вправо (рис. 3,1–3).

Вариант 6.2 – монограммы, где поле треугольников заполнено различного вида завитками, окончание линий букв выполнено в виде уголков, центральная горизонтальная линия заканчивается уголком, повернутым влево, как на большинстве монограмм типов 1–5 (рис. 3,4–7,11). За пределами Солдайи, где их насчитывается пока восемь, ни одной монограммы подобного типа автору не известно.

Тип 7 – выделен предварительно и представлен единственной двухъярусной монограммой, где поле треугольников в букве «М» не заполнено, а в нижней части у «подножия» буквы прочерчена горизонтальная волнистая черта. Верхний ярус этой монограммы, атрибутировать который сложно, выполнен в виде креста с отходящими от него завитками (рис. 4,10). Исходя из небрежности исполнения самой монограммы и ее единичного характера, не исключено, что в данном случае перед нами своеобразный «экспериментальный» образец.

Тип 8 – монограммы, наиболее приближенные к первоначальному византийскому двухъярусному прототипу «MIX»⁴ и отличающиеся, по сути, только отсутствием буквы «I». В Солдайе они представлены тремя, отличающимися в деталях экземплярами (рис. 4,1–3). В монограмме (рис. 4,2) утолщение окончаний черт буквы «М» заменены отходящими в противоположные стороны уголками, схематичнее

⁴ Солдайские и чембальские монограммы этого типа нельзя объединять с синхронными болгарскими монограммами с одиночным «М» и титлом над буквой, ввиду их принципиального отличия в палеографии. Тем не менее, не исключено, что и те, и другие происходят от византийского прототипа «MIX».

выполнена буква «Х». Монограмма (рис. 4,1) выполнена значительно небрежнее, но в целом повторяет предыдущую. Схожее начертание буквы «М», но выполненной более толстыми линиями, зафиксировано на монограмме из Чембало [1, с. 225, рис. 78,155; 23, с. 300, рис. 4,3]. Заметные отличия содержит солдайская монограмма (рис. 4,3), прочерченная тонкой линией, которую во многом условно можно отнести к этому типу. К тому же, в отличие от предыдущих сосудов, сам кольцевой поддон тарелки изготовлен значительно качественнее. Буква «М» только в общих чертах повторяет описанные выше, а основания боковых черт представляют собой круг и раздвоенный завиток. Являются ли последние элементы самостоятельными буквами, сказать сложно. Слева к букве «М» примыкает еще одна, вероятно, «дельта». Среди крымских местных монограмм похожее начертание «дельты» зафиксировано в составе сложных многоярусных монограмм, происходящих из раскопок 2017 г. уже упоминавшегося помещения 2 раскопа 2 крепости Чембало [6, с. 167, рис. 60,1,2].

Таким образом, все проанализированные выше восемь типов, атрибутированные как монограммы имени «Михаил», составляют подавляющее большинство всех монограмм Солдаи (40 экземпляров). Такая же картина характерна и для других памятников полуострова, находившихся под контролем генуэзцев. Среди 15 монограмм Каффы только одна относится к другим типам, из 12 местных монограмм Чембало к проанализированным выше типам относится 9 и только одна к монограммам «ТХ». Только монограммы имени «Михаил» обнаружены в Горзубитах, Аю-Даге, Фиоленте, Херсонесе. Более сложная ситуация в Алустоне, где наряду с монограммами рассмотренных типов присутствуют три монограммы «ТХ», характерные для княжества Феодоро [23, с. 294], что можно объяснить пограничным расположением феодоритских и генуэзских владений.

Всего шесть монограмм Солдаи, отнесенные к двум следующим типам, имеют иную интерпретацию. Рассмотрим их подробнее.

Тип 9 – условный тип, объединяющий монограммы, встреченные в Солдае в единичных экземплярах и, самое главное, не имеющие аналогий в материалах раскопок других крымских памятников. Монограмма (рис. 4,4) по общей манере исполнения аналогична монограммам типа 1, но вместо горизонтальной черты присутствует диагональная, превращающая ее в латинскую букву «N». При этом угол центральной горизонтальной черты повернут вправо. Не исключено, что это так же своеобразный экспериментальный образец или брак. Другая солдайская монограмма, вероятно, с буквой «N» (рис. 4,11), выполнена в совершенно другой манере.

Другой случай представляет монограмма (рис. 4,5), являющаяся сложносоставной. По крайней мере, четко выполнена расположенная на верхнем ярусе буква «Т», опирающаяся на верхний левый угол крупной буквы «П». К вертикальным чертам последней присоединены горизонтальные линии, заканчивающиеся уголками, превращающими их в две буквы «Л». Слева присоединена еще одна буква, возможно «М», сохранившаяся частично.

Третий вариант представляет монограмма (рис. 4,6), сохранившаяся частично. Четко просматривается буква «К» и расположенная рядом буква, вероятно «Н». Подобное сочетание букв автору среди крымских экземпляров неизвестно. Сочетание трех букв «МНК», усложненных дополнительными элементами, где «К» выполнена в аналогичной манере, встречено на монограмме из Чембало [3, с. 184, рис. 94, к.о. 28].

Четвертый случай представляет монограмма (рис. 5,10), которую можно было бы рассматривать как вариант наиболее распространенного для столицы Феодоро сочетания букв «ТХ» с загнутыми концами перекладки «Т», если бы не полное отсутствие на Мангупе, Алустоне, Фуне и Чембало подобных монограмм, где принцип соединения этих двух букв другой.

Расшифровка последних трех монограмм требует специального анализа. В целом можно заметить, что появление сложносоставных крымских монограмм, аналогии которым пока не удастся найти, явление характерное для всех городов полуострова в рассматриваемый хронологический период.

Тип 10 – составляют три монограммы (рис. 4,7-9), которые, в отличие от предыдущих, имеют типологическое сходство как раз с феодоритскими монограммами. Наиболее информативными являются монограммы (рис. 4,7,8), представляющие, несмотря на фрагментарность, сочетание двух букв «ТВ». Ближайшими аналогиями ей являются монограммы, зафиксированные на керамике феодоритской крепости Фуна [20, с. 139, рис. 2,11] и Алустона [24, рис. 84,2]. Третья подобная монограмма сохранилась крайне фрагментарно (рис. 4,9), но ее отнесение к указанному типу возможно.

Тип 11 – составляют семь знаковых монограмм Солдайи (рис. 5,1–4,7-9). Аналогии монограмме (рис. 5,1), представляющей собой ромб со слегка вогнутыми гранями, соединенными на месте изгибов диагоналями, автору работы неизвестны. Другая ситуация с монограммами (рис. 5,2,7), представляющими собой два диаметрально развернутых трилистника, наложенных, в одном случае, частично один на другой, во втором – смыкающиеся вершинами (рис. 5,7). Верхний луч перекрывающего трилистника в первом случае подчеркнут двумя линиями (рис. 5,2). К этой группе относится и монограмма с одинарным трилистником (рис. 5,4).

Территориально наиболее близкими аналогиями являются фрагмент, опубликованный Э. Р. фон Штерном [31, табл. VI, № 53] и фрагмент красноглиняной тарелки с аналогичным одинарным трилистником, происходящей из заполнения башни средневековой Каффы [7, с. 72, рис. 6,4]. Еще одна каффинская чаша с монограммой в виде одиночного трилистника с боковыми лепестками в виде линий происходит из материалов раскопок слоя светло-коричневого суглинка с внешней стороны апсиды храма Святых Феодоров [10, рис. 26,15]. Помимо этого, на территории Таврики аналогия монограмме с одинарным трилистником известна в Алустоне и связана с горизонтами жилой застройки последней четверти XIV – первой половины XV вв. [28, с. 225, рис. 3,1]. За пределами полуострова тарелка с аналогичным трилистником обнаружена в Аккермане. Археологический контекст находки остался неизвестным. Сосуд покрыт желтой поливой на обеих сторонах. На внутренней поверхно-

сти дна отмечены следы треножника [18, с. 227, № 471]. Однако наиболее близкой аналогией является красноглиняная чашечка с плавно изогнутыми стенками сегментовидного профиля под бледно-желтой поливой, происходящая из материалов Южноозереевского могильника вблизи Новороссийска. Внутри на дне сосуда помещена монограмма в виде двух мелких диаметрально развернутых трилистников, смыкающихся основаниями [12, с. 501, рис. 1]. Авторы публикации связывают сосуд с крымским производством.

Две других знаковых монограммы Солдайи представляют собой разного вида христогограммы (рис. 5,3,9). Одна из них (рис. 5,3) усложнена наличием у основания буквы «Т» нижней горизонтальной черты, преобразующей монограмму в два смыкающихся вершинами треугольника, разделенных пополам линией. Единственная типологически близкая монограмма известна из раскопок Чембало 2011 г., где была зафиксирована в слое каменного завала у оборонительной стены [4, с. 193, рис. 66, к.о. 64] вместе с монограммой типа 4.2.

Не имеет аналогий знаковая монограмма, представляющая собой неровный «подтреугольный» овал, в который вписан меньший овал более плавных очертаний (рис. 5,8).

Рассмотрим археологический контекст находок монограмм Солдайи. В 1969–1970 гг. М. А. Фронджуло при раскопках мастерской на участке башни Бернабо ди Франки ди Пагано обнаружил пять монограмм. Из них типа 1 два экземпляра и три монограммы типа 11, одна с трилистником и одна христогограмма в виде двух треугольников. Засыпь постройки датировалась 1410-ми гг. – временем завершения строительства предмостного укрепления.

В 1971 и 1972 гг. при раскопках башни Якобо Торселло в слое, датированном последней четвертью XIV – первой четвертью XV вв., М. А. Фронджуло обнаружил еще одну монограмму типа 10 и одну типа 4.3.

В 1979 г. в слое на уровне первоначального пола Генуэзской Лоджии обнаружена одна монограмма типа 4.2.

Монограммы типа 4.1 и типа 3, а также две монограммы типа 9 с редкими сюжетами зафиксированы при раскопках 1981 г. в культурном слое последней четверти XIV в. – 1475 г., подстилавшем постройки турецкого времени между Генуэзской Лоджией и Башней № 5. В 1983 г. в этом же слое в восточной части раскопа под кладкой турецкого времени № XIII было зафиксировано еще пять экземпляров типов 4.2, 5, 7, 8 и типа 11 с монограммой в виде пересеченного диагоналями ромба. При расширении раскопа 1981–1983 гг. в этом же культурном слое в 1994–2001 гг. было обнаружено еще девять монограмм типов 1, 3, 4.1 (2 шт.), 4.2 (2 шт.), 6.1, 6.2 и 8.

В 1984 г. одна монограмма типа 4.3. была обнаружена к юго-западу от Башни Паскуале Джудичи в слое, который датировался широкими хронологическими рамками всего генуэзского периода Солдайи.

В 1987 г. на участке куртины XIV Судакской крепости в заполнении помещения «Б» комплекса ремесленных мастерских было зафиксировано четыре монограммы типов 1, 4.2 и 6.2 (2 шт.). Еще две монограммы типов 5 и 6.2 обнаружены в заполнении

помещения «В» комплекса мастерских. Верхний слой заполнения этих объектов датируется третьей четвертью XIV в., временем прекращения их функционирования и подчинения города генуэзцам. На этом же участке города у куртины XV в 1989 г. в засыпи над полом помещения «А» двухкомнатной постройки обнаружено еще три монограммы типов 1 (2 шт.) и 9 с монограммой «КН». Эта засыпь датируется хронологическими рамками генуэзского периода в истории города. Здесь же под полом турецкого времени на территории Безымянной башни 3 в 1984 и 1985 гг. найдено тринадцать монограмм типов 1, 2, 4.2 (3 шт.), 4.3 (2 шт.), 6.1 (2 шт.), 6.2 (полный профиль) и 10 с фрагментом «В». Слой также датируется генуэзским периодом в истории города. К востоку от башни в 1988 г. в слое этого же времени обнаружена еще одна монограмма типа 3.

В портовой части Сугдеи обнаружено всего 2 монограммы редких типов: тип 8 на участке раскопа III в 1968 г. и тип с христомграммой в заполнении хозяйственной ямы, раскопанной в 1993 г. на раскопе V.

На территории посада Сугдеи в 2003 г. в культурном слое первой половины XV в. найдена всего одна монограмма типа «ВТ».

Синхронность монограмм типа «МІХ», «ПАЛ» и «Димитриос», известных в Сугдее на византийской керамике «Elaborate Incised Ware», и некоторых рассматриваемых крымских экземпляров не вызывает сомнений. Монограмма в виде христомграммы на местном сосуде (рис. 5,9) и монограмма «ПАЛ» встречены в 1993 г. в портовой части в заполнении одной хозяйственной ямы. Монограмма «МІХ» (рис. 5,5) присутствует в заполнении башни Якобо Торселло и в том же слое на участке квартала I, что и местные монограммы. Аналогичные монограммы «МІХ» (рис. 5,6) обнаружены в заполнении Башни № 3 и помещения «Б» ремесленных мастерских на участке куртины XIV вместе с рассмотренными выше местными крымскими экземплярами.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Каффе. В сборах Э. Р. фон Штерна начала XX в. в Феодосии три монограммы типа 4.2 и одна типа 5 были встречены вместе с двумя монограммами «ПАЛ», двумя «МІХ» и одной «К» [21, с. 115, рис. 3]. В 1994 г. в заполнении хозяйственной ямы 1 на участке гончарной печи 2 монограмма типа 4.2 встречена вместе с монограммой «ПАЛ» [8, рис. 85,4]. Еще более показательна ситуация в Чембало, керамический комплекс которого содержит наибольший процент разнообразной керамики «Elaborate Incised Ware». Некоторые местные монограммы этого памятника найдены в одних и тех же комплексах, что и византийские образцы.

Местонахождение местных монограмм на территории средневековой Солдайи связано с семью основными объектами города (рис. 6). Прежде всего, это культурный слой на участке т.н. квартала I, где обнаружено 18 монограмм. Этот культурный слой подстилает кладки турецкого периода на этом участке города, но связать находки с каким-либо расположенным здесь объектом генуэзского времени не представляется возможным. С этим местонахождением монограмм, вероятнее всего, связаны находки двух монограмм в Генуэзской Лоджии и в заполнении Башни Якобо Торселло, к которым указанный культурный слой примыкает. Рядом расположен и культурный слой на участке соседней Башни Бернабо ди Франки ди Пагано, где

зафиксировано пять монограмм. Таким образом, на этом небольшом пространстве найдено 24 монограммы.

Вторым скоплением монограмм являются три объекта, находящиеся в другой части города. Это, прежде всего, заполнение Безымянной башни № 3, где найдено 13 монограмм, и примыкающий к ней культурный слой генуэзского времени, отмеченный в верхней части заполнения ремесленных мастерских к востоку от башни и в заполнении двухкамерного дома к западу от нее. Здесь в общей сложности найдено еще 9 монограмм. Не исключено, что большая часть этих находок, общее количество которых составляет 22, имеет отношение именно к двухкамерному дому, функционирование которого в генуэзское время не вызывает сомнений.

Находки двух монограмм в портовой части Сугдеи, как и находки по одному экземпляру возле Башни Паскуале Джудичи и на территории посада города можно считать случайными.

Из всех известных монограмм Солдайи ни одна не связана с раскопками культовых объектов. Такая же ситуация наблюдается в Каффе, где только одна монограмма в виде трилистника найдена с внешней стороны апсиды храма Святых Феодоров [10, рис. 26,15], и в Чембало. Таким образом, если посвященный христианский характер монограмм вероятен, то использование сосудов, на которых они помещались, в литургическом обряде данными раскопок не подтверждается.

Подводя итог этому небольшому предварительному исследованию, стоит отметить следующее. Во-первых, все рассмотренные в работе монограммы, за исключением нанесенных на византийскую керамику типа «Elaborate Incised Ware», помещены на сосуды крымского производства. Судя по находкам полуфабрикатов и массовости изделий, нанесение монограмм происходило в мастерских Каффы, Сугдеи, Чембало. Во-вторых, все они датируются серединой XIV в. – 1475 г. и полностью совпадают с генуэзским периодом в истории полуострова. В-третьих, до середины XV в. многие из них встречены в комплексах вместе с керамикой типа «Elaborate Incised Ware». В-четвертых, подавляющее число местных монограмм уверенно расшифровывается, как имя «Михаил». Последних на сегодняшний день можно выделить восемь основных типов и десять вариантов. Остальные типы монограмм, многие из которых не имеют аналогий, представлены единичными экземплярами. Среди них есть наиболее поздние, сложносоставные монограммы, также не имеющие прямых аналогов. Только одна монограмма, встреченная на посаде Солдайи, имеет прямые аналогии среди монограмм, характерных для княжества Феодоро. Исходя из этого, в качестве постановки проблемы можно говорить о специфическом характере монограмм на керамике, выпускавшейся на территориях, подконтрольных генуэзской администрации, прежде всего, в восточном Крыму. Подобные монограммы, как и местные подражания самой керамике типа «Elaborate Incised Ware», явились ярким византийским следом в материальной культуре генуэзских городов Крыма, даже после падения самой Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. СПб.; Симферополь, 2004. 254 с.
2. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. СПб.; Симферополь, 2005. 192 с.
3. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. СПб.; Симферополь, 2010. 304 с.
4. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь, 2012. 210 с.
5. Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. СПб.; Севастополь, 2014. 272 с.
6. Адаксина С.Б., Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2017 г. СПб.; Севастополь, 2018. 218 с.
7. Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 67–81.
8. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках Феодосийской экспедиции в 1994 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 3, Инв. № 323. Папка 652.
9. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневековой Каффы в 1995 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 3, Инв. № 410. Папка 759.
10. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Отчет об археологических исследованиях средневековой Каффы в 1996 году (раскопки храма Свв. Феодоров Тирона и Стратилата) // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 4, Инв. № 495. Папка 852.
11. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Археологические исследования Каффы // Археологические исследования в Крыму 1995 год. Симферополь, 2007. С. 17–18.
12. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Поливная посуда XIII–XIV веков из Северо-Восточного Причерноморья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань; Кишинев, 2017. С. 499–512.
13. Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 101–121.
14. Баранов И.А. Поливная керамика XIV в. из Судака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1998. С. 21–24.
15. Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. Вып. I. С. 524–559.
16. Бочаров С.Г. Отчет об охранных археологических исследованиях средневековой Каффы (раскоп 6) в 2005 году // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 5, Инв. № 1053. Папка 1401.
17. Гинькут Н.В. Монограммы на поливной посуде местного производства из раскопок крепости Чембало и близлежащей округи // IV Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Севастополь, 2012. С. 14–15.
18. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции. СПб., 2011. 256 с.
19. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М., 2019. 504 с.
20. Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum plus. 1999. № 6. Время денег. С. 137–141.

21. Кравченко А.А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 111–120.
22. Майко В.В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 363–393.
23. Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 288–305.
24. Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Отчет об археологических исследованиях на крепости Алустон в 1991 г. Симферополь, 1992 // Архив Института археологии НАН Украины. № 1991/11. 24468.
25. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // Отчет Императорской археологической комиссии за 1986 год. СПб., 1898. С. 165–199.
26. Паршина Е.А. Средневековая керамика южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 56–94.
27. Сазанов А.В., Ивашенко Ю.Ф. Исследования средневековой Каффы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник. М., 1994. Т. 4. С. 179–186.
28. Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности 2010. Харьков, 2010. С. 216–234.
29. Тесленко И.Б. Виробництво поливної посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вип. 4(29). С. 7–83.
30. Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Майко В.В., Семин С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. Т. Симферополь, 2017. Вып. V. С. 172–196, 242–285.
31. Штерн Э. Феодосия и ее керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Вып. III. Одесса, 1906. С. 52–83.
32. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 260 с.
33. Aibabina E., Botcharov S., Mytz V. A Glazed Pottery Workshop of the XVth century at Caffa // VIIe Congres International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11–16 octobre 1999). Préactes. Thessaloniki, 1999. P. 28–29.
34. Dark K. Byzantine pottery. G. Britain, Stroud, 2001. 160 p.
35. Rise D.T. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930.
36. Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide. Bijleveld, 2005. 224 p.

REFERENCES

1. Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 godu.* St-Petersburg; Simferopol, 2004, 254 p.
2. Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu.* St-Petersburg; Simferopol, 2005, 192 p.
3. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2008–2009 gg.* St-Petersburg, Simferopol, 2010, 304 p.
4. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g.* St-Petersburg, Simferopol, 2012, 210 p.
5. Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2012–2013 gg.* St-Petersburg, Sevastopol, 2014, 272 p.

6. Adaksina S.B., Alekseyenko N.A., Ginkut N.V., Myts V.L. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh srednevekovooy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2017 g.* St-Petersburg, Sevastopol, 2018, 218 p.
7. Aibabina E.A. *Oboronitelnyye sooruzheniya Kaffy. Arkhitekturno-arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu.* Kiev, 1988, pp. 67–81.
8. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Otchet o raskopkakh Feodosiyskoy ekspeditsii v 1994 godu. Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 3. Inv. № 323. Folder 652.*
9. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Otchet o raskopkakh srednevekovooy Kaffy v 1995 godu. Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 3. Inv. № 410. Folder 759.*
10. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh srednevekovooy Kaffy v 1996 godu (raskopki khrama Sv. Feodorov Tirona i Stratilata).* Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 4. Inv. № 495. Folder 852.
11. Aibabina E.A., Bocharov S.G. *Arkheologicheskiye issledovaniya Kaffy. Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu 1995 god.* Simferopol, 2007, pp. 17–18.
12. Armarchuk E.A., Dmitriyev A.V. *Polivnaya posuda XIII–XIV vekov iz Severo-Vostochnogo Prichernomoria. Polivnaya keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII veka,* Kazan', Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, vol. 2, pp. 499–512.
13. Baranov I.A. *Zastroyka vizantiyskogo posada na uchastke glavnykh vorot Sudakskoy kreposti. Vizantiyskaya Tavrika,* Kiev, 1991, pp. 101–121.
14. Baranov I.A. *Polivnaya keramika XIV v. iz Sudaka. Istoriko-kulturnyye svyazi Prichernomoria i Sredizemnomoria X–XVIII vv. po materialam polivnoy keramiki: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii,* Simferopol, 1998, pp. 21–24.
15. Baranov I.A. *Kompleks tretyey chetverti XIV veka v Sudakskoy kreposti. Sugdeyskiy sbornik,* Kiev, Sudak, 2004, vol. I, pp. 524–559.
16. Bocharov S.G. *Otchet ob okhrannykh arkhelogicheskikh issledovaniyakh srednevekovooy Kaffy (raskop 6) v 2005 godu. Arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAS. Inv. book 5. Inv. № 1053. Folder 1401.*
17. Ginkut N.V. *Monogrammy na polivnoy posude mestnogo proizvodstva iz raskopok kreposti Chembalo i blizlezhazhchey okrug. IV Vizantiyskiy seminar «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»,* Sevastopol, 2012, pp. 14–15.
18. Zaleskaya V.N. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva. Vizantiyskaya keramika IX–XV vekov. Katalog kolleksii.* St-Petersburg, 2011, 256 p.
19. *Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoj imperii: katalog vystavki.* Moscow, 2019, 504 p.
20. Kirilko V.P. *Aspry s bolshim «Т» na litsevoy storone: opyt interpretatsii. Stratum plus,* 1999, No. 6, pp. 137–141.
21. Kravchenko A.A. *Importnaya polivnaya keramika XIII–XIV vv. iz Kaffy. Vanchugov V.P. (Ed.), Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaya zona drevnih kul'tur,* Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 111–120.
22. Maiko V.V. *Stratigraficheskie issledovaniya na t.n. uchastke kvartala I Sudakskoy kreposti v 1997 g. Sugdeyskiy sbornik,* Kiev, Sudak, 2012, vol. V, pp. 363–393.
23. Myts V.L. *Istoriko-kulturnyy kontekst nekotorykh bukv. monogramm i nadpisey na polivnoy keramike Kryma XIV–XV vv. Polivnaya keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.,* Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 288–305.
24. Myts V.L., Adaksina S.B. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah na kreposti Aluston v 1991 g.* Simferopol, 1992. *Arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy,* no. 1991/11, 24468.
25. *Otchet zavedushchego raskopkami v Khersonese K.K. Kostsyushko-Valyuzhinicha za 1896 god. Otchet Imperatorskoy arkhelogicheskoy komissii za 1886 god,* St-Petersburg, 1898, pp. 165–199.

26. Parshina E.A. Srednevekovaya keramika yuzhnoy Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.). *Feodalnaya Tavrika*, Kiev, 1974, pp. 56–94.
27. Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F. Issledovaniya srednevekovoy Kaffy v 1991–1992 gg. *Bosporskiy sbornik*, Moscow, 1994, vol. 4, pp. 179–186.
28. Teslenko I.B. Polivnaya posuda Kryma XV v. (mestnoye proizvodstvo do turetskogo perioda). *Drevnosti*, Kharkov, 2010, pp. 216–234.
29. Teslenko I.B. Virobnitstvo poliv'yanogo posudu v Krimu za chasiv Ulug Ulusu. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini*, Kiïv, 2018, vol. 4(29), pp. 7–83.
30. Teslenko I.B., Lysenko A.V., Maiko V.V., Semin S.V. Novoe poselenie XIV–XV vv. u zapadnogo podnoz'h'ja g. Aju-Dag (Juzhnyj Krym). *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2017, vol. V, pp. 192–233.
31. Shtern E.R. Feodosija i ee keramika. *Muzej Imperatorskogo Odesskogo obwestva istorii i drevnostej*, 1906, vol. III, pp. 52–83.
32. Yakobson A.L. Srednevekovy Khersones (XII–XIV vv.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1950, vol. 17, 260 p.
33. Aibabina E., Botcharov S., Mytz V. A Glazed Pottery Workshop of the XVth century at Caffa. *VIII Congres International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée (Thessaloniki, 11–16 octobre 1999)*, Thessaloniki, 1999, pp. 28–29.
34. Dark K. *Byzantine pottery*. G. Britain, Stroud, 2001, 160 p.
35. Rise D.T. *Byzantine glazed pottery*. Oxford, 1930.
36. Vroom J. *Byzantine to modern pottery in the Aegean. An introduction and field guide*. Bijleveld, 2005, 224 p.

V. V. MAIKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

THE MONOGRAM POTTERY IN MEDIAEVAL SOLDIAIA: ITS TYPOLOGY, CHRONOLOGY, AND PRODUCTION SITE

Abstract: This paper addresses the monograms of mediaeval Soldaia applied on glazed pottery of the Crimean production. These monograms imitated Byzantine monograms on ceramic ware alike the Elaborate Incised Ware, which penetrated to the markets of the cities and towns in Taurica from the mid-fourteenth century on. The main types of monograms are suggested, and the conclusion is drawn that their overwhelming majority featured the name «Mikhail». Other typical feature of the monograms from Soldaia is compound artefacts and those with sign monograms. Some of them do not meet with analogies in the underglaze monograms discovered in Taurica so far. All the monograms analysed in the present study date throughout the third quarter of the fourteenth century to 1475; they were inscribed onto ceramic wares in pottery workshops of Caffa, Soldaia, and Chembalo. According to the monograms under analysis from the said cites, unlike to Theodoro principality, such a composition was typical of the areas of Taurica controlled by the Genoese administration.

Key words: Soldaia, south-eastern Crimean pottery, monograms, typology, distribution area.

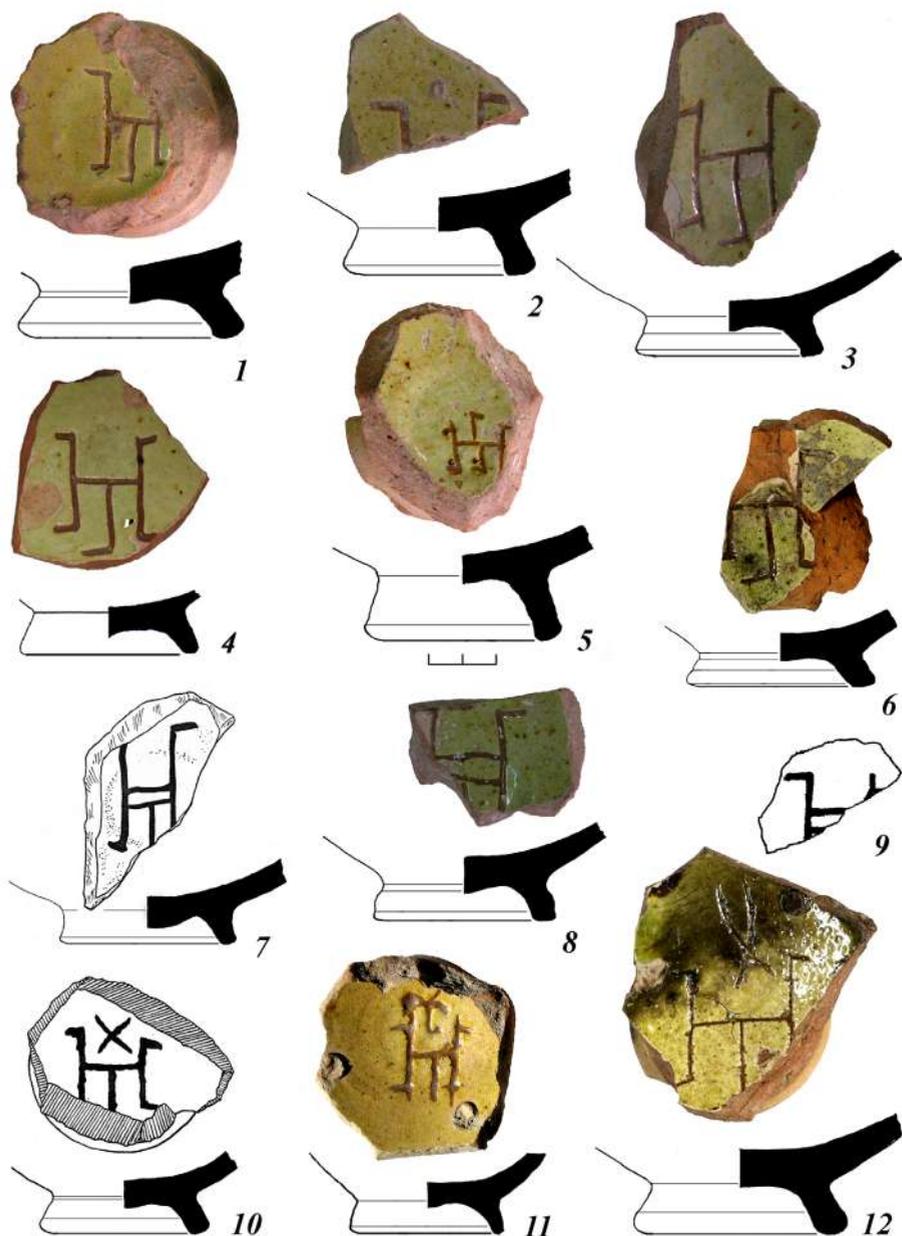

Рис. 1. Монограммы Сугдеи типа 1-4.

1-4, 6 – тип 1; 5 – тип 2; 7-9 – тип 3; 10-12 – тип 4.1.

1, 2 – 1969 г. башня Бернабо ди Франки ди Пагана; 3, 5 – 1985 г. башня № 3; 4, 8 – 1987-88 гг. мастерские; 6, 7, 9-12 – 1981, 1994, 1997, 2001 гг. квартал I

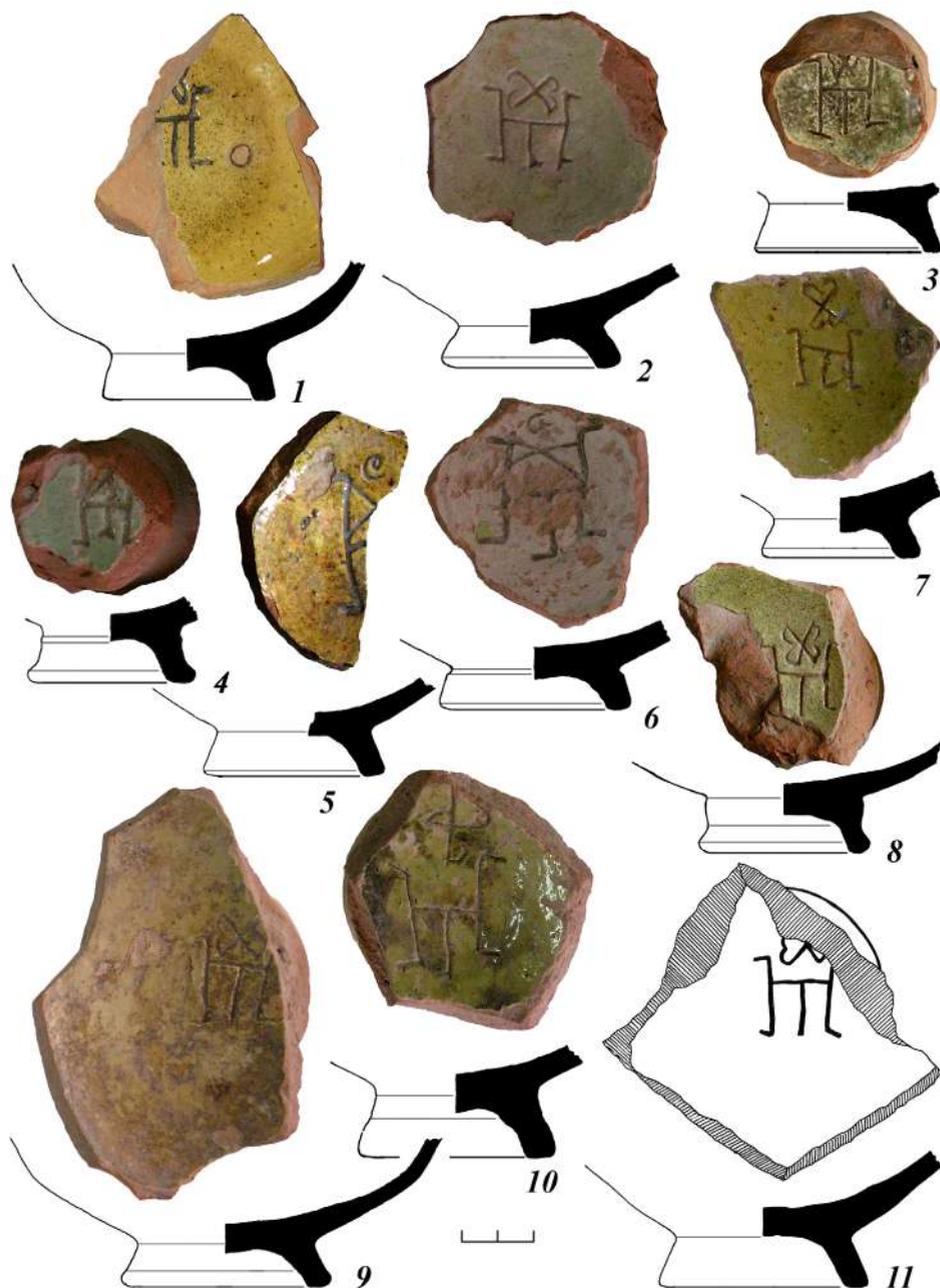

Рис. 2. Монограммы Сугдеи типа 4–5.

1-4, 7-9, 11 – тип 4.2; 5, 6 – тип 5; 10 – тип 4.3.

1 – 1979 г. лоджия; 2, 4, 7, 10 – 1985 г. башня № 3; 3 – 1987 г. мастерские; 5, 8, 9, 11 – 1983, 1995, 1999 гг. квартал I; 6 – 1987 г. мастерские

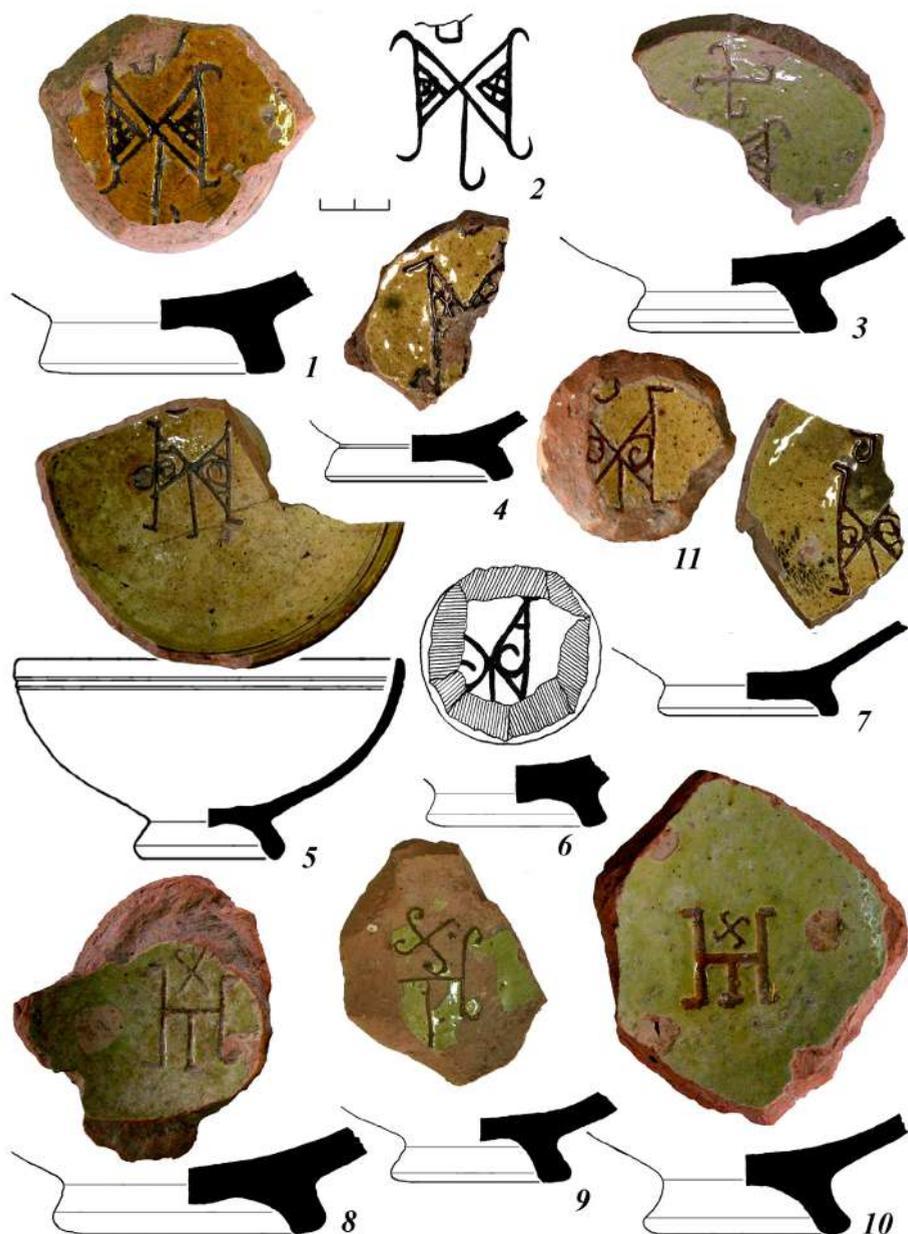

Рис. 3. Монограммы Сугдеи типа 4 и 6.

1-3 – тип 6.1; 4-7, 11 – тип 6.2; 8-10 – тип 4.3.

1, 3, 5, 10 – 1984-85 гг. башня № 3; 2, 6 – 1995, 1997 гг. квартал I; 4, 7 – 1987 г. мастерские; 8 – башня Паскуале Джудичи; 9 – 1971 г. Башня Якобо Торселло; 10 – 1987 г. мастерские

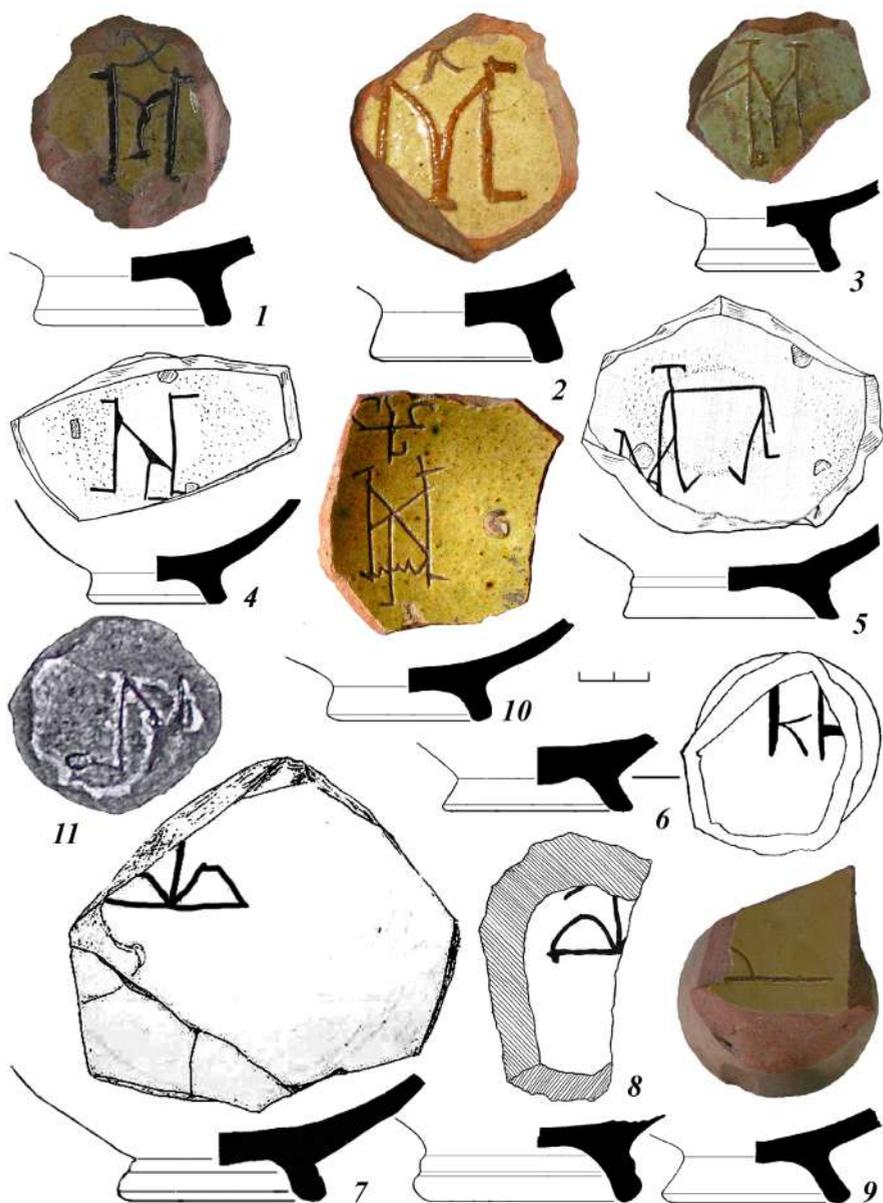

Рис. 4. Монограммы Сугдеи типа 7–10.

1-3 – тип 8; 4-6,11 – тип 9; 7-9 – тип 10; 10 – тип 7.

1 – 1968 г. порт, раскоп III; 2, 10 – 1983 г. квартал I; 3 – 1996 г. квартал I; 4, 5 – 1981 г. квартал I; 6 – 1989 г. помещение; 7 – 2001 г. квартал I; 8 – 2003 г. посад; 9 – 1984 г. башня № 3; 10 – 1983 г. квартал I; 11 – 1988 г. перекрытие пола сахароварни

Рис. 5. Монограммы Сугдеи типа 9, 11 и византийские монограммы.

1-4, 7-9 – тип 11; 10 – тип 9; 5, 6 – византийские монограммы на группе керамики «Elaborate Incised Ware»

1 – 1983 г. квартал I; 2-5,7 – 1969-1972 гг. башня Бернабо ди Франки ди Пагана; 6 – 1985 г. башня № 3; 8 – 2001 г. квартал I; 9 – 1993 г. порт яма 1; 10 – 1972 г. Башня Якобо Торселло.

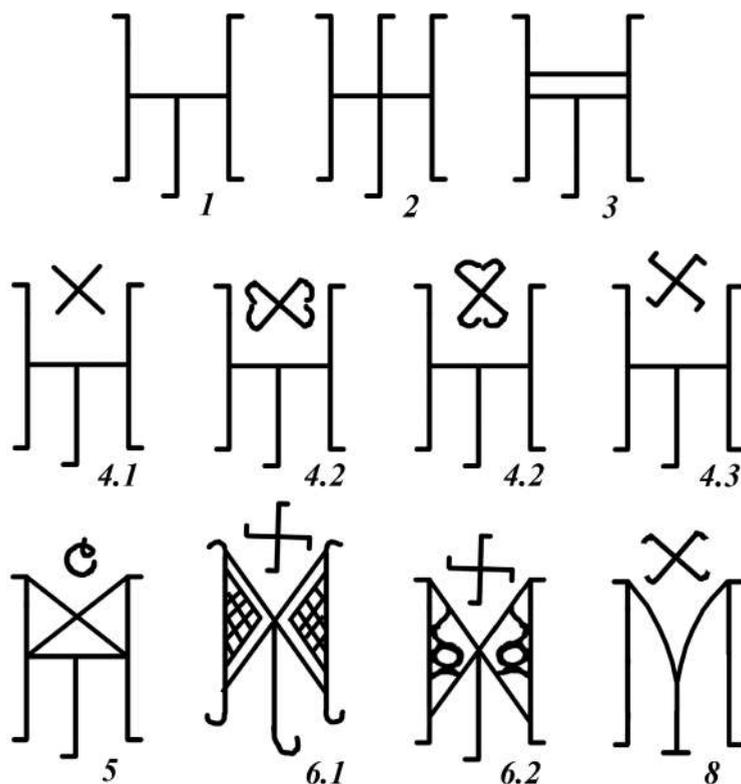
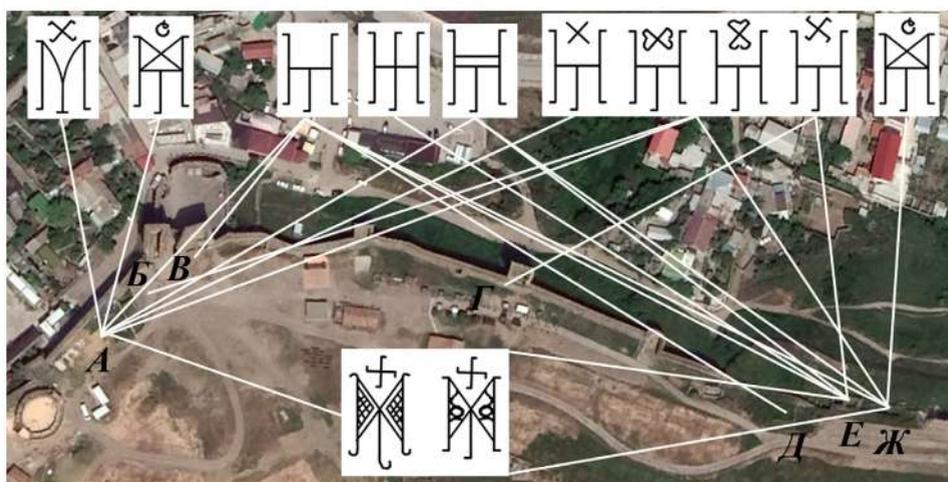

Рис. 6. Основные типы монограмм с именем «Михаил» и месторасположение их находок в Солдае. А – культурный слой на участке квартала I; Б – генуэзская Лоджия; В – Башня Бернабо ди Франки ди Пагана; Г – Башня Паскуале Джудичи; Д – двухкамерный дом; Е – Башня № 3; Ж – мастерские